

Характеръ и темпераментъ Грознаго.

Недостатокъ вполне достовѣрныхъ свидѣтельствъ позволяетъ намъ не болѣе, какъ приблизительно, намѣтить внѣшній обликъ Ивана. По показаніямъ русскихъ современниковъ, онъ былъ сухощавъ; напротивъ, иностранцы описываютъ его, какъ полнаго человека. Быть можетъ, такое различіе взглядовъ зависѣло отъ несходства мѣрилъ, принятыхъ тѣми и другими. Мы знаемъ, что тогдашніе русскіе люди отличались, по большей части, такимъ дородствомъ, которое было совершенно несвойственно иноземцамъ. Впрочемъ, всѣ свидѣтели сходятся въ своихъ показаніяхъ о ростѣ Ивана. По ихъ словамъ, Грозный былъ очень высокъ, хорошо сложенъ, съ крутыми плечами и широкой грудью. Однако, въ ризницѣ Троице-Сергіева монастыря хранится кафтанъ, который по преданію, принадлежалъ царю Ивану IV. Недавно *Глаголевъ* измѣрилъ это платье: полученные выводы говорятъ не въ пользу приведенной выше характеристики (Русскій Ар-

хивъ, Іюль, 1902 года). Что касается чертъ лица Иванова, то въ нашемъ распоряженіи имѣются лишь портреты весьма сомнительной подлинности. Поэтому они не могутъ служить для насъ надежнымъ основаніемъ. Впрочемъ, и на этотъ счетъ между свидѣтелями господствуетъ сравнительное согласіе. Всѣ они говорятъ, что Иванъ имѣлъ длинный и выгнутый носъ, небольшіе, но живые глаза голубого цвѣта, съ пронизательнымъ взглядомъ. Онъ носилъ длинные усы и густую рыжеватую бороду, которая замѣтно посѣдѣла къ концу царствованія. Голову свою Иванъ брилъ: по словамъ Принца фонъ Бухау «*capillos capitis utque plerique Rutheni novacula radit*».

Наибольшее количество свѣдѣній мы имѣемъ о второй половинѣ царствованія Ивана. Въ эту пору почти всѣ свидѣтели отмѣчаютъ у него мрачное и угрожающее выраженіе лица. Оно не мѣшало, однако, Ивану часто раздражаться громкимъ смѣхомъ. Но здѣсь мы уже касаемся нравственной стороны этого человѣка, который такъ и остается загадкой, несмотря на всѣ попытки раскрыть его душу. Повидимому, мы имѣемъ дѣло уже не столько съ противорѣчіями свидѣтельскихъ показаній, сколько съ внутренними антиноміями самой личности Грознаго.

Иванъ — натура энергическая до тиранніи и, въ то же время, робкая до трусости. Онъ гордъ до безумія и, однако, способенъ поступаться своимъ достоинствомъ почти до низости. Онъ уменъ и, между тѣмъ, можетъ говорить и дѣлать явныя глупости. Зачѣмъ, напримѣръ, оскорбляетъ онъ короля Эрика въ то самое время, какъ добивается его дружбы? Какъ можетъ онъ называть себя «псомъ смердящимъ», и, вмѣстѣ съ тѣмъ, коснѣть въ тѣхъ самыхъ порокахъ, которые оправдываютъ этотъ эпитетъ? Подобные вопросы можно ставить безъ конца. Нѣкоторые думали найти ихъ разрѣшеніе въ одной изъ новыхъ дисциплинъ, открытія которой пользуются теперь, быть можетъ, нѣсколько эфемерной славой. Повидимому, и отецъ и дѣти Ивана были уравновѣшенными людьми; но прадѣдъ его, Василій Темный, былъ слабъ какъ разумомъ, такъ и волей. Мать Грознаго, Елена Глинская, отличалась болѣзненностью. Самому отцу его было уже 50 лѣтъ, когда родился его наслѣдникъ, также не бывшій здоровымъ ребенкомъ. Быть можетъ, дурная кровь была привнесена въ московскую династію бабкою Ивана, Софіею *Палеологъ*; нужно замѣтить, что въ этой императорской фамиліи всегда сказывалась предрасположенность къ нервнымъ заболѣваніямъ. Братъ Ивана, Юрій, страдалъ слабоуміемъ; у самого

Грознаго дѣтей было въ три раза меньше, нежели женъ. Первенецъ Ивана умеръ младенцемъ; второй сынъ, жестокій и кровожадный Иванъ, былъ убитъ отцомъ; третій, Ѳеодоръ, былъ почти идиотомъ; наконецъ, о Дмитріи ходилъ слухъ, что онъ боленъ падучей....

Не трудно угадать естественный выводъ изъ всѣхъ этихъ данныхъ. Очевидно, Грозный былъ дегенерантомъ или однимъ изъ тѣхъ параноиковъ, психологію которыхъ изучалъ *Ломброзо*.

Самое слабое мѣсто такого объясненія заключается въ томъ, что оно ровно ничего не объясняетъ. Еще задолго до итальянскаго психіатра, Ревелье-Паризъ (1834) и Шиллингъ (1863) пытались доказать, что гениальный человѣкъ всегда является невропатомъ, а часто и совсѣмъ душевно-больнымъ субъектомъ. Эту теорію можно найти, впрочемъ, у еще болѣе старинныхъ авторитетовъ — отъ Паскаля до самаго Аристотеля. Сравнительно недавно одинъ аргентинскій ученый (*Mejja*, *Nevrosis de los hombres celebres*, Buenos-Avres, 1885) повѣдалъ намъ, что всѣ почти выдающіеся люди его родины были алкоголиками, нервно-больными или помѣшанными... Ну, и что же дальше? Для Ломброзо и его послѣдователей совершенно ясно, что гений Наполеона являлся ни чѣмъ инымъ, какъ формою эпилептическаго невроза. Но что же даетъ намъ такой выводъ? Эпилептическій неврозъ — просто этикетка; онъ положительно ничего намъ не объясняетъ. Мы видимъ лишь одно,—а, именно, что между такимъ дегенерантомъ, какъ Наполеонъ, и другимъ подобнымъ же типомъ, какъ Иванъ IV, существуетъ огромное различіе. Во всѣхъ поступкахъ перваго мы замѣчаемъ строго логическую послѣдовательность и согласованность; все это совершенно отсутствуетъ у втораго. Наполеонъ, если онъ даже безумецъ, можетъ, когда захочетъ, дѣйствовать вполне разумно; напротивъ, Грозный слишкомъ часто, даже обыкновенно, проявляетъ внѣшніе признаки душевной болѣзни. Очевидно, нужно найти причину столь существенныхъ различій: мы ясно убѣждаемся, что, сама по себѣ, гипотеза объ однородномъ психическомъ недугѣ у обоихъ героевъ вовсе не разрѣшаетъ нашей проблемы, а только обходить ее.

Мнѣ кажется, что во всѣхъ попыткахъ истолкованія характера и темперамента Грознаго кроется одно коренное заблужденіе: я назову его анахронизмомъ. Къ Грозному подходятъ совершенно такъ же, какъ къ любому изъ нашихъ современниковъ. Примѣняемые къ его изслѣдованію приемы — наблюденія и анализа — сами по себѣ, вполне пра-

вильны, и, однако, они приводятъ къ ложнымъ результатамъ, такъ какъ произвольно вырываютъ личность Ивана изъ сродной ему исторической среды. Возьмемъ, напримѣръ, Людовика XI. Всѣмъ извѣстно, какими свойствами отличался этотъ человѣкъ. Однако, попробуемъ перенести его въ XIX или XX вѣкъ. Затѣмъ зададимся вопросомъ: могъ ли бы въ настоящее время столь осторожный король попасться въ ловушку въ Пероннѣ? Могъ ли бы такой дальновидный политикъ дать увлечь себя къ стѣнамъ Лиежа, чтобы принять участіе въ разрушеніи этого города, которому онъ же самъ оказывалъ покровительство? Очевидно, что все это было бы совершенно невозможнымъ; но почему же совершилъ Людовикъ въ то время это двойное безразсудство? Вспомнимъ, что во второмъ случаѣ его поведение было прямо позорно... Людовикъ XI былъ сыномъ своего времени. Онъ былъ представителемъ полуварварскаго общества: тамъ, даже у наиболѣе развитыхъ морально людей сказывался недостатокъ духовной координаціи и нравственной дисциплины. Эти свойства являются плодомъ вѣкового культурнаго развитія, благодаря которому въ наши дни мы видимъ ихъ даже на низшихъ ступеняхъ общественности. Какъ и большинство своихъ современниковъ, Людовикъ былъ импульсивной натурой: теперь это качество, въ видѣ исключенія, наблюдается лишь у наиболѣе эксцентрическихъ субъектовъ: повидимому, тутъ дѣйствуетъ извѣстный атавизмъ, воскрешающій въ человѣкѣ черты далекаго прошлаго. Попробуйте взглянуть съ такой точки зрѣнія на личность и дѣятельность Грознаго: мнѣ кажется, это сразу подвинетъ насъ къ должному разрѣшенію нашего вопроса.

Еще чаще, нежели Людовикъ XI, Иванъ дѣйствовалъ, какъ импульсивная натура. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ его поступкахъ сказывались вліянія окружающей среды или внѣшнихъ событій; въ другихъ—онъ повиновался внутреннимъ побужденіямъ, которыя были заложены въ него природою или внушены ему воспитаніемъ. Какъ и дѣдъ, Иванъ былъ уменъ, но болѣе экспансивенъ; онъ былъ такъ же энергиченъ, но менѣе твердъ. Ко всѣмъ этимъ свойствамъ онъ унаслѣдовалъ,—конечно, не отъ ничтожнаго отца,—страстную и пылкую душу. Эту душу мы видимъ у его матери, Глинской. Часто Иванъ дѣйствовалъ слишкомъ порывисто, какъ бы скачками; однако, того, кто задумалъ и создалъ опричнину, никогда нельзя упрекнуть въ недостатокѣ воли или логической послѣдовательности. Я уже показалъ, насколько мало состоятельно утвержденіе, будто Грозный

всегда передавалъ свою власть въ чужія руки, не умѣя пользоваться ею самъ. Сильвестръ съ Адашевымъ такъ же мало были правителями государства въ періодъ 1548—1560 гг., какъ и царь Симеонъ въ пору 1575—1576 гг. Впрочемъ, это нисколько не мѣшало царю, въ первомъ случаѣ, изображать изъ себя жертву своихъ собственныхъ любимцевъ, а во второмъ—разыгрывать комедію съ жалкимъ манекеномъ, якобы возведеннымъ на русскій престолъ.

Иванъ былъ вспыльчивъ до такой степени, что при малѣйшемъ раздраженіи «покрывался пѣною, какъ конь»: такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ фонъ Бухау—выполнѣ надежный и даже самый достовѣрный изъ всѣхъ свидѣтелей. Часто Грозный не умѣлъ сдерживаться и владѣть собою; но такъ же часто онъ проявлялъ удивительную изворотливость. Это мы видимъ, напримѣръ, въ его борьбѣ съ Баторіемъ: на полѣ битвы Иванъ, можно сказать, почти покидаетъ отечество на произволъ судьбы; зато, на дипломатическомъ поприщѣ, онъ упорно оспариваетъ побѣды своего противника. Здѣсь Иванъ не брезгаетъ никакимъ средствомъ или шансомъ успѣха.

Мы уже видѣли, каково было воспитаніе Грознаго. Въ дѣтствѣ онъ не зналъ любви и даже не пользовался должнымъ вниманіемъ. Онъ жилъ въ вѣчномъ страхѣ насилій, отъ которыхъ трепетала его душа. Поэтому неудивительно, что въ немъ развилась нѣкоторая робость, которая выражалась то въ недовѣріи къ собственнымъ силамъ, то въ нервной слабости передъ лицомъ опасности. Однако, тотъ, кто двадцать лѣтъ подрядъ боролся со всякими Курбскими въ своей державѣ, не могъ быть трусомъ въ душѣ. Изъ того же источника вынесъ Грозный свое презрѣніе къ человѣку, которое порою принимало форму ненависти. Не забудемъ, что воспитаніе Ивана такъ же потворствовало самымъ низменнымъ его инстинктамъ, какъ и оскорбляло его лучшія чувства. Таубе и Крузе съ убѣжденіемъ говорятъ о его «козарномъ сердцѣ крокодила». Да, Грозный былъ лукавъ и золъ. Въ дѣтствѣ его обижали и глумились надъ нимъ. Поэтому всю свою жизнь онъ стремился, повидимому, отплатить людямъ за эти униженія. Отсюда брала свое начало его безумная страсть издѣваться надъ людьми въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не могъ или не хотѣлъ мучить ихъ другимъ способомъ. Онъ испытывалъ какое-то острое наслажденіе въ томъ, чтобы сбивать ихъ съ толку и любоваться ихъ растерянностью, упоиваясь сознаніемъ своего превосходства. Къ этому надо прибавить полнѣйшее, безусловное отсутствіе въ немъ побужде-

ній жалости или сочувствія. Въ этомъ отношеніи Грозный весьма напоминаетъ Петра Великаго: ясно, что подобная черта развилась у нихъ обоихъ подъ вліяніемъ аналогичныхъ причинъ. Прочтите хотя бы тѣ строки, которыя пишетъ Иванъ Курбскому послѣ побѣдоноснаго похода... «А что писалъ ты, что мы тебя въ дальнія города будто въ опалѣ посылали, то писалъ ты это себѣ въ досаду. Мы нынѣ Божіею волею и дальше твоихъ дальнихъ городовъ прошли... И въ городъ Вольмаръ, гдѣ ты хотѣлъ успокоиться отъ всѣхъ трудовъ твоихъ, и туда на покой тебѣ Богъ насъ принесъ... Пришлось тебѣ и подальше поѣхать!..»

Вспомнимъ, далѣе, случай съ Василиемъ Грязнымъ—любимымъ опричникомъ царскимъ, который попалъ въ плѣнъ къ татарамъ. Развѣ Иванъ пожалѣлъ его? развѣ тронуло его сердце несчастье вѣрнаго слуги? «Ино было, Васюшко, безъ пути середь крымскихъ улусовъ не заѣзжати; а ужъ заѣхано, ино было не по объѣзному спати... Ты чаялъ, что въ объѣздѣ съ собаками пріѣхалъ за зайцы ажко Крымцы тебя самого въ торокъ ввязали... Крымцы такъ не спятъ, какъ вы, да васъ дрючонъ умѣютъ ловити... Только бы таковы крымцы были, какъ вы жонки, ино было и за рѣку не бываетъ, ино токмо что въ Москвѣ...» Впрочемъ, позабавившись надъ несчастнымъ плѣнникомъ, Иванъ, въ концѣ концовъ, уплатилъ за него выкупъ. Такъ же точно, вырвавъ себѣ клокъ бороды въ присутствіи посла отъ Девлетъ-Гирея, онъ, все же, согласился потомъ вести съ ханомъ мирные переговоры. Въ этихъ противоположностяхъ—Грозный, какъ живой. Въ его безуміи нѣтъ послѣдовательности: онъ постоянно возвращается къ самымъ яснымъ сужденіямъ... Вспыльчивый деспотъ, онъ замахивается жезломъ на протестантскаго пастора, осмѣливагося въ его присутствіи сравнить Лютера съ апостоломъ Павломъ; но минуешь порывъ,—и тотъ же Грозный ведетъ степенную бесѣду съ Рогитой.

Наблюдая эти постоянныя вспышки, нѣкоторые усматривали въ нихъ то самое неистовство, которое саги приписываютъ древнимъ нормандамъ. Мы знаемъ, что когда подъ рукою этихъ неукротимыхъ завоевателей не оказывалось врага, они изливали свою ярость въ бѣшеныхъ ударахъ, наносимыхъ деревьямъ и скаламъ. Однако, при всей своей необузданной вспыльчивости, Грозный никогда не сражался ни съ горами, ни, тѣмъ менѣе, съ вѣтряными мельницами. Иванъ IV—не норманнъ: онъ скорѣе монголъ—раздражительный

и холодный, жестокий и коварный. Онъ полонъ лукавства и скрытенъ, но отлично знаетъ, чего хочетъ. Онъ хочетъ только разумнаго, или того, что кажется таковымъ при данныхъ обстоятельствахъ. Наконецъ, Иванъ изворотливъ, тонокъ и любознателенъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Порою Грозный бьетъ дальше своей цѣли: это зависитъ отъ его необузданнаго темперамента. У него больше жертвъ, нежели дѣйствительныхъ враговъ: на этотъ разъ нельзя не согласиться съ объясненіемъ Ломброзо. «Разъ человѣкъ извѣдалъ вкусъ крови», пишетъ итальянскій ученый, — «убійство становится потребностью. Она столь повелительна, что ей невозможно противиться... Повидимому», — продолжаетъ онъ, — «чувственная любовь нерѣдко сплетается съ жаждою крови: зрѣлище крови сильнѣе всего возбуждаетъ половую страсть... За кровавыми сценами всегда слѣдуютъ проявленія самаго неистоваго разврата». (Преступный человѣкъ, I).

Въ этихъ словахъ — все объясненіе Александровской слободы.

Впрочемъ, и здѣсь не нужно терять изъ виду историческую среду. Какъ извѣстно, оправдывая нравы той эпохи, Соловьевъ ссылаясь на примѣръ св. Филиппа. Несомнѣнно, это было ошибкою. Праведники всегда представляютъ собою исключеніе. Но вотъ вопросъ: былъ ли Иванъ исключеніемъ въ противоположномъ смыслѣ? Припомнимъ, какъ легко мирился народъ съ его казнями; повидимому, это свидѣтельствуетъ объ обратномъ. Конечно, Грозный еще увеличилъ жестокость инстинктовъ и нравовъ, которые господствовали въ его средѣ. Онъ бросалъ на русскую ниву кровавое сѣмя. Убійство Дмитрія Углицкаго, воцареніе самозванца и ужасы смутнаго времени явились жатвою этого ужаснаго посѣва. Но что дѣлали Шуйскіе и Курбскіе? Они лишь пожали то, что сами сѣяли. Они учили своего будущаго палача презрѣнію къ человѣческой жизни. Они внушали ему пренебреженіе ко всякой справедливости и законамъ.

Впрочемъ, воспитаніе Ивана гораздо болѣе, чѣмъ принято думать, напоминаетъ юность всѣхъ государей его времени. Мы знаемъ, что представлялъ собою Донъ-Карлосъ въ дѣтствѣ и отрочествѣ, — прежде, нежели имъ занялись поэты и романисты. Этотъ принцъ жестоко мучилъ безсловесныхъ животныхъ и даже людей, которые его окружали. Отвратительный недоносокъ, онъ живьемъ жарилъ птицъ, которыхъ ему приносили съ охоты; рассказываютъ, что онъ забавлялся, калѣча лошадей изъ своихъ конюшенъ...

Я уже отмѣтилъ у Ивана склонность каяться въ своихъ преступленіяхъ. Въ этой страсти опять хотѣли видѣть признаки нервной болѣзненности или даже психическаго недуга. Характерно, что Иванъ порою явно впадалъ въ преувеличенія, бичуя свои пороки. Мнѣ думается, что здѣсь мы просто имѣемъ дѣло съ любовью къ театральнымъ эффектамъ. Эта черта нерѣдко наблюдается у тѣхъ субъектовъ, которые, при всѣхъ своихъ страстяхъ, постоянно жаждутъ позы, разыгрываютъ роль, при чемъ дѣйствуютъ часто вопреки собственнымъ интересамъ. Припомнимъ хотя бы Лютера, чтобы не обращаться къ другимъ знаменитымъ современникамъ Грознаго: у героя нѣмецкой реформациі эта манія положительно доходила до полного забвенія совѣсти. Съ этой стороны, царь Иванъ ближе всего къ нашей эпохѣ. Никто изъ государей древней Руси не любилъ и не умѣлъ говорить такъ, какъ Иванъ. Ни одинъ изъ нихъ не отличался такимъ искусствомъ въ спорахъ—устныхъ или письменныхъ, публичныхъ или негласныхъ, съ бѣглымъ бояриномъ или съ какимъ-нибудь посломъ иностраннаго двора. Иванъ ведетъ эти споры постоянно, безъ отдыха, даже безъ стыда; въ нихъ Грозный обнажаетъ свою душу, какъ тѣло: онъ сбрасываетъ всѣ покровы, онъ выставляетъ свои язвы и свои уродства... Пусть глядятъ, какъ я отвратителенъ!.. Иванъ готовъ даже преувеличить свое безобразіе. Онъ пишетъ Курбскому посланіе, въ которомъ сравниваетъ себя со смраднымъ трупомъ; онъ превозноситъ злодѣяніями своими Каина братоубійца; онъ, какъ Рувимъ, осквернилъ ложе отца своего. Впрочемъ, все это не мѣшаетъ ему думать и утверждать, что во всемъ виновать, именно, тотъ человѣкъ, передъ которымъ онъ кается въ своихъ позорахъ. Но что же дѣлать? Если онъ не можетъ внушить восхищеніе собою, то пусть хоть его боятсѣ; пусть только видятъ его и занимаются его особой... Не изъ этой ли школы выйдетъ впослѣдствіи Жанъ Жакъ Руссо?

По большей части, Иванъ разыгрываетъ трагическія роли; однако, какъ я уже говорилъ, онъ не гнушается быть и первымъ шутомъ своего двора. Для него годится всякое амплуа,—только бы ему не остаться незамѣтнымъ. Иногда въ игрѣ Грознаго комическій элементъ смѣшивается съ трагическимъ. Царь подозрѣваетъ стараго Челяднина въ заговорѣ. Отдать его въ руки палача? Нѣтъ, этого Ивану недостаточно. Грозный сходитъ съ трона, сажаетъ на него опальнаго боярина и земно кланяется ему, величая его царемъ. Потомъ онъ выхватываетъ кинжалъ и ударяетъ несчастнаго старика... «Ты думалъ сѣсть на мое

мѣсто, такъ вотъ тебѣ!» Принцъ фонъ Бухау видитъ въ Грозномъ черты нѣкотораго сходства съ однимъ кардиналомъ, который былъ извѣстенъ своими веселыми рѣчами и выходками. Этотъ же свидѣтель былъ пораженъ той необычайной подвижностью, которой отличались выраженіе лица и вся осанка Ивана. Взглядъ и тонъ этого царя мѣняются каждое мгновеніе. Вотъ, онъ бесѣдуетъ со своими приближенными: рѣчь его ласкова, видъ привѣтливъ. Но, вдругъ, кто-то изъ окружающихъ не сразу понялъ мысль государя: тотчасъ же тонъ Ивана становится рѣзкимъ, лицо его дѣлается свирѣпымъ. Кажется, сейчасъ произойдетъ ужасный взрывъ... И, однако, по свидѣтельству того же Бухау, внѣшность Ивана такова, что его немедленно можно признать за повелителя—хотя бы онъ и оказался въ толпѣ четырехъ сотъ крестьянъ, одѣтый въ простонародное платье.

Какъ у большинства людей, страсть играть роль была у Ивана выраженіемъ его гордости. Конечно, то была непомѣрная гордость: во всякомъ случаѣ, однако, вопреки принятому мнѣнію, въ ней не было ничего страннаго. При своихъ познаніяхъ по исторіи и географіи Иванъ могъ совершенно естественно считать себя выше всѣхъ государей Европы. Онъ не хотѣлъ равнять себя даже съ императоромъ, который былъ выборнымъ монархомъ, или съ султаномъ, родъ и титулы котораго, конечно, не восходили къ древнему Риму. Но, вѣдь, и фараонъ XX династіи именовавъ себя царемъ всего міра... А развѣ теперь не видимъ мы подобныхъ притязаній у нѣкоторыхъ государей Востока?

Быть можетъ, гордостью Грознаго объясняется, отчасти, и его нежеланіе подвергаться личной опасности въ битвахъ. Конечно, здѣсь его сверхчеловѣческому величію угрожалъ слишкомъ большой рискъ. Впрочемъ, какъ сказано выше, и въ этомъ отношеніи Иванъ слѣдовалъ только традиціямъ своего рода. Подобно своему дѣду, онъ совсѣмъ не былъ героемъ въ обычномъ смыслѣ этого слова. Но Александры Великіе, Ганнибалы, Густавъ-Адольфы, Карлы XII и Наполеоны проносятся подобно метеорамъ. Очевидно, для созданія чего-либо прочнаго, люди такого закала, какъ Рюриковичи, оказываются гораздо больше подходящими. Правда, Людовикъ XI не имѣлъ ничего общаго съ Александромъ Македонскимъ или Наполеономъ; однако, и онъ жертвовалъ собою при Монлери. Но, вѣдь, этотъ французскій король и не былъ полуазиатскимъ деспотомъ...

Свои свойства восточнаго человѣка Иванъ обнаруживаетъ и въ той необыкновенной легкости, съ которой отъ непомѣрной надмен-

ности, сопутствующей счастью, онъ переходитъ къ крайнему униженію при неудачахъ. Впрочемъ, удары судьбы не могутъ сокрушить этого человѣка. Онъ сгибается подъ ними, онъ ползетъ по землѣ, но всегда готовъ снова подняться на ноги. Рядомъ съ этими чертами, въ Грозномъ сказывается европеецъ или человѣкъ извѣстной духовной культуры: вотъ почему Иванъ не выноситъ грубой лести. По этому поводу Гваньино сообщаетъ характерный эпизодъ, который кажется вполне правдоподобнымъ, если сопоставить его съ другими аналогичными случаями. Иванъ выкупилъ изъ плѣна у Баторія двухъ своихъ воеводъ—Осипа Щербатова и Юрія Бяратинскаго. Когда они явились къ нему, онъ съ любопытствомъ сталъ ихъ распрашивать. Щербатовъ говорилъ искренно, открыто признавая могущество польскаго короля. Напротивъ, Бяратинскій, думая угодить царю, свидѣтельствовалъ совершенно обратное. По его словамъ, у Баторія нѣтъ ни войска, ни крѣпостей, и онъ дрожитъ передъ именемъ московскаго государя. «Бѣдный король!»,—сказалъ Иванъ,—«жалъ мнѣ его!» Потомъ, внезапно схвативъ свой посохъ, онъ сталъ колотить безстыднаго льстеца, приговаривая: «вотъ тебѣ награда, обманщикъ!»

Иванъ по-своему былъ образованъ, выгодно отличаясь тѣмъ отъ большинства своихъ русскихъ современниковъ и даже отъ самыхъ просвѣщенныхъ европейскихъ государей той эпохи. Если онъ и не имѣлъ особенно много научныхъ свѣдѣній, то, во всякомъ случаѣ, питалъ искреннюю любовь къ знанію. Въ этомъ заключается его существенное отличіе отъ Людовика XI, который смертельно ненавидѣлъ науку и говорилъ, что она наводитъ на него меланхолію. Ближе всего Грозный напоминалъ собою Франсиска I. Однако, каковы же были дѣйствительныя познанія Грознаго?
